
VICTOR LAPUTSKY

**PECULIARITIES OF INTERNAL
AND EXTERNAL INTERNATIONALIZATION
OF BELARUSIAN HIGHER EDUCATION**

Author affiliation. *Victor LAPUTSKY (valnoros@gmail.com), Belarus State University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The main features of the internationalization of the higher education in the Republic of Belarus are disclosed. Various strategies of internationalization are described that were singled out by the Organization for Economic Cooperation and Development; from this point of view internationalization of education in Belarus is evaluated. Statistical data on the current export of educational services of Belarus are provided. The findings of the author's sociological study using a questionnaire method are given that was aimed at identifying barriers and motives for Belarusian students' participation in academic mobility processes. As a result of the study, the following problems were identified: the insufficient awareness of Belarusian students about the possibilities of academic mobility, the lack of legal framework concerning the recognition by Belarusian universities of student participation in international programs abroad, as well as the risks associated with the predominance of foreign students from one country. A number of recommendations have been developed to improve the international activities in education.

Keywords: internationalization of education; academic mobility; international educational space.

UDC 316.334:303.1

*Статья поступила
в редакцию 17. 03. 2020 г.*

ЛЮ ЯН

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ДУХОВНОГО
ТВОРЧЕСТВА СТАРЦЕВ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ**

В статье рассматривается влияние духовной деятельности монастыря, расположенного в Оптиной пустыне, на историю Российской империи. Религиозно-богословское учение оптинских старцев связано со значительным вкладом в русскую религиозную философию и обладает значительными духовно-культурными достижениями и высоким нравственным потенциалом, не потерявшим своего исторического значения и в современном мире.

Ключевые слова: духовная деятельность; Оптина пустынь; религиозно-богословское учение; православная церковь.

УДК 13(091)

ЛЮ Ян (liuyang0917@hotmail.com), докторант факультета философии Пекинского педагогического университета (г. Пекин, КНР).

Введение. Введенская Оптиная пустынь представляла собой монастырь, расположенный в 300 км от Москвы и 4 км от г. Козельска Калужской области. По преданию в 350 м от стен монастыря в лесной чаще в конце XIV в. был основан скит, где монахи, полностью изолировав себя от мирской суеты, предавались молитвенному безмолвию. Духовная деятельность монастыря длилась с начала XIX в. до 1924 г., когда по указанию Советских властей монастырь был закрыт, но уже с октября 1917 г. начался длительный период гонений большевистской власти на православную культуру в целом и на монастырские учреждения в частности. Многие выдающиеся деятели церкви оказались в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа, подверглись репрессиям. В результате разрыв в преемственности православной культуры, длившийся более 70 лет, нанес чудовищный вред не только православию, но и русской культуре в целом [1].

Необычайно велико значение Оптиной пустыни для развития русской культуры XIX — начала XX в. Известные представители русской культуры приезжали в монастырь, чтобы примкнуть к животворному источнику религиозной истины, черпать из этого источника вдохновение и философско-богословские идеи для создания выдающихся произведений.

Паломничество в Оптину пустынь было нелегким путешествием. Железная дорога из Москвы через Козельск появилась только в начале XX в., а дорога до монастыря была столь же неухоженной, как и большинство русских дорог того времени. Но несмотря на это тысячи паломников отправлялись в Оптину пустынь. Их влекло туда именно философско-богословское своеобразие монастыря. Они предпочитали Оптину пустынь как источник духовного прозрения и приближения к мировоззренческой истине, хотя в Российской империи до 1917 г. было около 1 000 монастырей и 100 000 храмов, в каждом из которых без особых тягот можно было побывать и причаститься к истине [2].

В монастырь совершали паломничество Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, А. П. Толстой, С. А. Есенин и другие крупнейшие писатели и поэты. Здесь черпали свое вдохновение композиторы П. И. Чайковский, Н. Г. Рубинштейн. Сюда приезжали и подолгу здесь оставались лучшие русские литературные критики, религиозные философы, ученые, публицисты, высокообразованные представители аристократических кругов. Здесь размышляли ученые-космисты К. Э. Циолковский и А. Л. Чижевский [1].

С конца XIX — начала XX в. в русской культурной среде религиозно-философский поиск осуществлялся в весьма широких пределах. В Петербурге возникло знаменитое Религиозно-философское общество, среди лидеров которого были Мережковский и Бердяев. Главная идея философии Николая Бердяева о необходимости сотворчества человека с Богом для изменения грешного и падшего мира не могла быть воспринята ортодоксальной, государственно управляемой Синодом иерархией того времени, и Религиозно-философское общество было надолго закрыто [3].

Когда встал вопрос об основании в Оптиной пустыни своего издательства, то первоначально издательская деятельность старцев монастыря не получила в государственных и церковных кругах поддержки и разрешения. Конечно, опасения чиновников по поводу благонадежности идейно-философского содержания писаний старцев были напрасны. В этих писаниях и устных поучениях старцев не было ничего, что расходилось бы с живой православной традицией, уходящей своими корнями в Византию и далее к Иисусу и его апостолам. Социально-политическая обстановка в России после отмены крепостного права в 1861 г. и вплоть до эпохи русских революций XX в. требовала жесткого государственного и церковного контроля над печатными изданиями.

Постоянно действующим первоисточником этой социальной напряженности была и остается поныне внутренняя противоречивость русской цивилизации, постоянство колебаний ее институциональной организации между Западом и Востоком. Символом этой противоречивой двойственности, этого единства и противопоставленности был российский герб — двуглавый орел. Россия как бы разрывалась от стремления одновременно быть Европой, влиятельной силой на европейском континенте, что предполагало соответствующие реформы, и Азией, что требовало сохранения самодержавия, православия и управляемой народности как несущей конструкции государственного устройства. Крен в ту или иную сторону отторгался государственной идеологией, поскольку он наносил вред и подрывал цивилизационные устои империи и ее государственный порядок.

Отражением этой неустойчивости и противоречивости была не затихавшая в культуре острая борьба западников и славянофилов, выродившаяся в революционных кругах в жестокую террористическую войну крайних радикалов против самодержавия и руководителей государственного аппарата империи.

Были ли террористы «Народной воли» радикальными западниками? Нет, они были народниками, разочаровавшимися ввиду явной бесполезности в хождениях в народ и стремившимися заставить самодержавие повернуться к нуждам и чаяниям простого народа, большинство которого составляло бесправное и угнетаемое крестьянство. Зато последующие после 1861 г. реформы, проведенные Александром II, как и подготовленный по его настоянию проект Конституции, носили явно западнический характер. Они «вздыбили» Россию не меньше, а гораздо больше, чем реформы Петра I и Екатерины II.

Старцы Оптиной пустыни были очень разными людьми, оказывали различное психологическое воздействие на паломников, стремившихся стать их смиренными учениками, но все они обладали мощной харизмой, возвращенной молитвенной практикой и медитативными погружениями в сакральные истины. И все они обладали определенным мировоззренческим единством, были в согласии друг с другом, что позволяет говорить о некоей философско-богословской школе, сложившейся в Оптиной пустыни на основе ортодоксального православия.

Молитвенная практика оптинских старцев базировалась на методологии исихазма, возникшей в Византии в очень древние времена и систематизированной святым Григорием Паламой. Термин «исихия», от которого проистекает название религиозного течения православного исихазма, означает молчание. Длительное молчаливое сосредоточение, перемежавшееся с Иисусовой молитвой в обстановке уединения и обращения к божественной природе, обусловливало накопление колоссальной внутренней энергии в психике старцев и столь же колоссальную духовную силу их суггестивного воздействия на окружающих [4].

Методология исихазма как источник прямого контакта с Божественной сущностью в измененном состоянии сознания составляла своеобразную гносеологию философско-богословского учения оптинских старцев. Чисто внешне эта методология напоминала медитативные практики китайских даосов и чань-буддистов, но она была освящена христианским гуманизмом и неистощимой любовью к Богу и страждущему мирскому человечеству. Богатый опыт общения с Богом, в соединении с богатым жизненным опытом, приобретенным в светской жизни, давали старцам возможность исправлять заблуждения своих учеников и находить психологически верные решения для преодоления неразрешимых противоречий, возникающих у мирян под давлением тяжелых жизненных обстоятельств.

Учение о бытии, антология оптинских старцев строились на признании Бога как первоисточника всякого бытия, находящегося в постоянном взаимодействии с грешным, падшим миром с целью его усовершенствования, снижения уровня агрессивности и осуществления миссии Христа на Земле.

В своем нравственном учении наряду с христианской любовью оптинские старцы отдавали приоритет смирению и преодолению гордыни разума, возмнившего себя преобразователем мира. Размышляя на основе канонов православия, в этом они находили почву для критики католичества и протестантизма как духовных основ развития западной цивилизации, в которых разум с самого начала полагался в качестве неотъемлемого свойства человеческой природы, требующего согласования с верой [5, с. 113].

По убеждению старцев все беды российского общества проистекают из неразрешимого конфликта между претензиями разума и любовью к Богу, обеспечивающей спасение человека. Критикуя протестантизм, оптинские старцы утверждали, что одной веры, тем более устанавливаемой в соответствии с велениями разума, для спасения души человека от ее грешной природы недостаточно. Необходимо постоянное нравственное совершенствование, основанное на преодолении тирании страстей, телесных побуждений, культивировании добродетелей. Гордыня, являясь полной противоположностью смирению, выступает и главным препятствием к спасению. Смирение необходимо постоянно развивать путем обретения терпения, систематического покаяния в грехах и доверия к Богу и его промыслу. Последнее, однако, не предполагает какого-то фатализма, так как осуществляемые с божьей помощью нравственные усилия человека не предполагают вмешательства в природу человеческой индивидуальности.

Наконец, одним из важнейших философских положений учения оптинских старцев явилось указание на осуществление очистительной миссии христианина в миру, позволяющей совершать трудный путь преодоления грехов не только в душе нравственно совершенствующегося индивида, но и влиять на нравственное состояние мира вокруг него [6, с. 73].

Эта очистительная миссия с огромной духовной силой воплощена в романе Достоевского «Братья Карамазовы» в образе Алеши Карамазова, а также в образе старца Зосимы, созданного Достоевским под впечатлением посещения Оптиного монастыря. Достоевский в этом романе дает художественное описание самого монастыря, его аскетической обстановки. Старец Зосима в описании Достоевского это не просто целитель страждущих душ, это духовный лидер специфически российского Просвещения, основанного не на культе разума, а на духовном преображении христианина, осуществлении его очистительной миссии для всего человечества. Недаром проповеди оптинских старцев стали одним из важнейших источников государственной идеологии современной России и Беларуси.

Религиозно-богословское учение оптинских старцев связано со значительным вкладом в русскую религиозную философию и не теряет своего исторического значения и в современном мире обладает значительными духовно-культурными достижениями и высоким нравственным потенциалом.

Философское наследие оптинских старцев стало особенно интенсивно распространяться с созданием в обители своего издательства. Идея создания такого издательства принадлежала И. Киреевскому — одному из основателей совместно с А. Хомяковым славянофильского течения в русской культуре. Побывав впервые в оптинском монастыре в 1856 г., Киреевский поразили самобытности и оригинальности философской мысли оптинских старцев. С его точки зрения это была настоящая сокровищница философской мудрости, способная на равных конкурировать с экспансией философских идей, посту-

пающих в Россию из западных стран, и успешно противостоящая этой экспансии. Он загорелся идеей организовать широкое публичное распространение этой мудрости через печатный станок, поскольку именно книгопечатание было источником распространения в России западных доктрин.

Духовным учителем Киреевского в Оптиной пустыни был преподобный старец Макарий — высокообразованный и философски мыслящий проповедник. Таких как он в обители было немало [7].

Монахи Оптиной пустыни не были фанатичными мистиками, оторванными от истории страны и жизни ее граждан. Среди старцев монастыря были известные философы, художники, археологи, китаеведы, филологи и т. д. Жизнь в тиши монастыря и постоянное молитвенное общение с высшими силами способствовали их творческому росту и обеспечивали очень высокий интеллектуальный потенциал, который можно было полностью реализовать, только предав их наработки широкой гласности. В связи с этим духовный лидер общины старец Макарий не только поддержал идею Киреевского, но и оказал ее реализации активное содействие. Он стал хлопотать о разрешении на создание издательства через церковное начальство.

Однако основание издательства в обстановке господствовавших в России жестких цензурных ограничений было нелегким делом. Инициатива, исходящая из отдаленного монастыря, не вызвала восторга у бюрократии и порождала подозрения в отходе от ортодоксальности и чуть ли не в выдвигании для публикации каких-то сектантских идей. Философия как таковая была под подозрением у российской бюрократии как распространительница вольнодумных и даже революционных идей.

Несмотря на это усилиями старца Макария и благодаря его связям, удалось доказать, что философские взгляды оптинских старцев, сочетая в себе ортодоксальное православие с ответами на вызовы кризисного состояния российской ментальности, как раз и являются противоядием для политических радикалов. Разрешение на открытие издательства после долгих мытарств было получено, и к началу XX в. им было издано уже более 200 книг главным образом философско-богословского характера [2].

До образования издательства главным средством идейного влияния старцев на приезжавших к ним со всех концов России мирян был устный диалог. Погруженный в светскую суету, раздражаемый противоречивыми чувствами мирянин, приезжая в Оптину пустынь, оказывался в величественной тишине. Ему предлагали отрешиться от навязчивых состояний, связанных с искусственными теоретическими конструкциями, и вернуться к простоте и естественности собственной природы, первоисточником которой является Творец всего существующего. Далее в процессе диалога следовало постигнуть греховность книжных схем и гибельность их практических применений [5].

Все книги, опубликованные в оптинском издательстве, сохранили характер диалоговой формы общения с читателями. Это были не морализаторские проповеди, а обсуждения конкретных жизненных ситуаций, возникающих в конкретной социальной среде, в том числе и политической. Такая постановка жизненных проблем и их философское разрешение нашли широкое распространение в русской культуре и прежде всего в литературе. Читая русскую классику, мы даже не осознаем, насколько глубоко в Гоголе, Достоевском, Толстом, многих других деятелях русской культуры, как выдающихся, так и второстепенных, живет и действует, водит пером оптинский старец. То же можно сказать и о русских философах, о своеобразии русской философии второй половины XIX — начала XX в.

Проблематика оптинских старцев наиболее отражена и раскрыта с философских и психологических позиций в творчестве Федора Достоевского. Его герои Раскольников, старшие Карамазовы оказываются жертвами бесовщины лукавого западнического теоретизирования. Выход из него там же, куда указывали старцы, — в смирении и покаянии. Образы князя Мышкина и Алеши Карамазова — это по существу художественные воплощения идеалов оптинских старцев. Живя в кризисном, жестоком, подверженном диким страстям, погрязшем в стяжательстве обществе, они исправляют заблуждения этого общества не рациональными концепциями, а чистотой души, справедливыми побуждениями и поступками.

По-иному в своих образах воплощал философское влияние оптинских старцев Лев Толстой. Он восстал против официозной морали элитарных кругов России своего времени. Его проповедь приближения элиты к народу, непротivления злу насилием, светского истолкования религиозной веры представляют собой одновременно и результат влияния оптинских старцев, и дискуссию с ними. Его Пьер Безухов, Анна Каренина, отец Сергей, герои «Крейцеровой сонаты» несут в своих образах следы размышлений, навеянных беседами с оптинскими мудрецами.

Не менее важное значение беседы оптинских старцев имели для становления оригинальной русской философии.

Западническое направление в русской философии не было вполне оригинальным, оно постоянно находилось под влиянием немецкой, французской или английской философской моды. Идеи французских просветителей, энциклопедистов, английских либералов, представителей немецкой классической философии мгновенно подхватывались в российском образованном обществе, обсуждались в салонах Петербурга и Москвы, находили отклик в литературных произведениях и мировоззренческих исканиях русской интеллигенции.

В конце XIX — начале XX в. широкое распространение в России получили утопический социализм и марксизм. Русская философия после наполеоновских войн принимает характер руссификации. Ее основной темой становится не устройство мироздания, не особенности человеческого познания, не метафизика механистической картины мира, даже не соотношение разума и веры, а именно проблема отличия России от остальной Европы.

Впервые эту проблему сделал основой своего философствования с западнических позиций Петр Чаадаев. В «Философических письмах» (1829—1831 гг.) Чаадаев рассматривает путь развития Западной Европы как реализацию идеалов христианства, воплощение плана Провидения о постепенном создании Царства Божьего на земле [8, с. 243].

Российская же цивилизация, получив в наследство христианство от рухнувшей Византии, сбилась с пути, начертанном Провидением: она не является ни восточной, ни западной, оказываясь не в состоянии сделать осмысленный выбор между двумя направлениями развития. Она копирует внешние формы европейского развития, но оказывается чуждой ценностям свободы, долга, закона, порядка, разума, определяющими духовную атмосферу европейского общества. В этом Чаадаев видит причину постоянного отставания России от западных стран.

С противоположных позиций подошли к решению проблемы взаимоотношения России и Европы философы русского почвенничества, возникшего с середины XIX в. в рамках славянофильского направления. Основателями старшей ветви славянофильского течения в русской философии были И. Киреевский и А. Хомяков. Причем идеи славянофильства зародились у них после посещения Оптиной пустыни.

В противоположность Чаадаеву славянофилы утверждали, что это Запад сбился с пути осуществления идеалов и ценностей истинного христианства. Это Западная Европа завела человечество в состояние глубокого духовного кризиса, выход из которого может дать только Россия. Согласно Киреевскому культ разума привел европейцев к забвению всех прочих познавательных сил и способностей человека, которые в высшей степени развили в себе старцы Оптиного монастыря.

Истина как таковая по Киреевскому доступна только мышлению, которое наряду с разумом опирается на чувство, волю, совесть, стремление к справедливости и милосердию, любовь и прощение. Без этого разум превращается в застывший рассудок, а цивилизация, руководствующаяся таким рассудком, неизбежно заходит в непроходимый тупик [8, с. 254]. К. Аксаков, также ученик оптинских старцев, видел в либеральном индивидуализме саморазрушение обособляющейся личности, оторгнутой искусственным строем мысли от соборного православного целого [8, с. 265].

Согласно философско-историческому учению старшего поколения славянофилов, к которому наряду с И. Киреевским и А. Хомяковым принадлежали К. Аксаков и Ю. Самарин, именно православие является началом, лежащим в основе восточнославянской цивилизации, формирующим русский, украинский и белорусский национальный характер, культуру и способ мышления. Именно оно объединяет народные массы, в том числе безграмотное крестьянство с самыми утонченными интеллектуалами и государственными деятелями.

Православие представляет собой школу национального самосознания восточных славян. Это совершенно иной тип христианского мировоззрения, нежели христианство Запада. Православная культура должна сменить западную на арене мировой истории. Средством для этого является православное просвещение, которое гораздо возвышеннее, справедливее, человечнее рационального просветительства Запада, приведшего к ужасающим кровопролитиям и революционным катастрофам. Все эти положения напрямую исходят из философии оптинских старцев.

Придавая большое значение философским поискам западных мыслителей, славянофилы считали, что разум имеет большое значение для философского осмысления бытия, но поклонение ему закономерно приводит к секуляризму, к отделению церкви от государства, а просвещения от религии. Конечной же точкой развития секулярности является атеизм. Именно об этом учили оптинские старцы, пытаясь спасти своих учеников от следования опасным доктринам западной философии, вводящим последователей этой философии в аморализм, преступные замыслы, революционные идеи, направленные на ниспровержение власти, отречение от очистительного влияния церкви.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что философски окрашенные проповеди и диалоги оптинских старцев сыграли весьма важную и даже фундаментальную роль не только в становлении славянофильской идеологии их учеников, но и в переориентации государственной идеологии Российской империи и даже современной России с покорного следования европейским образам в политике догоняющей модернизации на принятие антизападнических тенденций и осознание неприемлемости для России европоцентристской траектории развития.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. *Алехина, Л. И.* Оптина пустынь и российское общество в XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] / Л. И. Алехина. — Режим доступа: <https://www.optina.ru/pub/p10/>. — Дата доступа: 16.10.2020.

Alekhina, L. I. Optina pustyn' i rossiyskoe obshchestvo v XIX — nachale XX v. [Optina Pustyn and Russian society in the 19th — early 20th centuries] [Elektronnyy

resurs] / L. I. Alekhina. — Rezhim dostupa: <https://www.optina.ru/pub/p10/>. — Data dostupa: 16.10.2020.

2. Ераст (Вытropicкий), иеромонах. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита Калужской губернии. — Козельск : Свято-Введ. Оптина пустынь, 2000. — 303 с.

3. *Дмитриев, А. П.* Исторический опыт и современные направления общественного служения монастыря Оптина пустынь [Электронный ресурс] / А. П. Дмитриев. — Режим доступа: <https://www.optina.ru/pub/p19/>. — Дата доступа: 23.09.2020.

Dmitriev, A. P. Istoricheskiy opyt i sovremennyye napravleniya obshchestvennogo sluzheniya monastyrya Optina pustyn' [Historical experience and modern directions of public service of the Optina Pustyn monastery] [Elektronnyy resurs] / A. P. Dmitriev. — Rezhim dostupa: <https://www.optina.ru/pub/p19/>. — Data dostupa: 23.09.2020.

4. Оптинское старчество и его истоки. — Оптина пустынь, 2001. — 163 с.

5. Благословенная Оптина : Воспоминания полонников об обители и ее старцах : сб. ст. / сост. Е. В. Помельцова. — Козельск : Введенская Оптина пустынь, 1998. — 302 с.

6. Оптина пустынь: Рассказы, притчи, поучения : сост. по трудам Преподобных Оптинских старцев Макария, Антония, Амвросия, Анатолия, Варсонофия, Нектария, Никона. — М. : Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2011. — 320 с.

7. *Черкасова, Г. П.* Иван Васильевич Киреевский и старец Макарий Оптинский: путь от западничества к славянофильству [Электронный ресурс] / Г. П. Черкасова. — Режим доступа: <https://www.optina.ru/pub/p34/>. — Дата доступа: 12.10.2020.

Cherkasova, G. P. Ivan Vasil'evich Kireevskiy i starets Makariy Optinskiy: put' ot zapadnichestva k slavyanofil'stvu [Ivan Vasilievich Kireevsky and Elder Makariy Optinsky: the path from Westernism to Slavophilism] [Elektronnyy resurs] / G. P. Cherkasova. — Rezhim dostupa: <https://www.optina.ru/pub/p34/>. — Data dostupa: 12.10.2020.

8. *Концевич, И. М.* Оптина пустынь и ее время / И. М. Концевич. — Козельск : Введен. ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2008. — 687 с.

Kontsevich, I. M. Optina pustyn' i ee vremya [Optina Pustyn and its time] / I. M. Kontsevich. — Kozel'sk : Vveden. stavropigial'nyy muzhskoy monastyr' Optina pustyn', 2008. — 687 p.

LIU YANG

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SPIRITUAL CREATIVE ACTIVITIES OF OPTINA ELDERS

Author affiliation. *Liu Yang* (liuyang0917@hotmail.com), *Beijing Normal University (Beijing, People's Republic of China).*

Abstract. The article examines the influence of the spiritual activities of the monastery located in Optina Pustyn on the history of the Russian Empire. The religious and theological teaching of the Optina elders is associated with a significant contribution to Russian religious philosophy and has significant spiritual and cultural achievements and high moral potential, which has not lost its historical significance in the modern world.

Keywords: spiritual activity; Optina Pustyn; religious and theological teaching; orthodox church.

UDC 13(091)

*Статья поступила
в редакцию 21. 09. 2020 г.*